

культуры, т. е. процесс, который в следующем поколении может завершиться ассимиляцией, но может и не привести к ней.

⁴ Надо, конечно, иметь в виду условность понятия «узконациональная ориентация» при широком распространении в настоящее время интернациональных форм духовной культуры, стандартизации, унификации вещной среды, тем более в больших многонациональных городах. Думается, здесь речь может идти об ориентации на сохранение национальной специфики в наиболее существенных, ключевых элементах культуры, которые как бы составляют ее костяк и осознаются членами этнической общности как ее важнейшие этноинтегрирующие элементы (см. об этом: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973. С. 67; *Кузнецов И. М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях // Сов. этнография (далее — СЭ)*. 1983. № 2. С. 86.

⁵ Примеры применения этих методов в этносоциологии см. соответственно в следующих работах: *Сусоколов А. А. Применение латентно-структурного анализа в этносоциологических исследованиях // Некоторые проблемы современной этнографической науки (источниковедение и историография)*. М., 1974; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Указ. раб.* С. 152—164; *Социологические очерки о Советской Эстонии*. С. 89; *Пименов В. В. Указ. раб.; Опыт этносоциологического исследования образа жизни*. С. 232—238; *Филиппов А. Г. Применение экспертных оценок для прогнозирования этнических процессов (вопросы методики исследования на материалах Чувашской АССР) // Этнокультурные процессы. Методы исторического и синхронного изучения*. М., 1982. С. 15—27; *Коган М. Э. Роль этнических ориентаций в культурном потреблении (на материале опроса ленинградских татар) // Там же*. С. 93—111.

⁶ Более подробное обоснование методики см.: *Коган М. Э. Указ. раб.* С. 93—111; *ее же. Этнокультурные ориентации инонационального населения большого города (на материалах исследования татар, армян и эстонцев Ленинграда): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985. С. 94—125. *Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе*. Л., 1987. Гл. V. § 2 (написан в соавторстве с М. Э. Коган).

⁷ См., например: *Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследования в Татарской АССР) // СЭ*. 1971. № 3. С. 3—15; *Белорукова Г. П. Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы) // СЭ*. 1973. № 5. С. 29—39; *Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ*. 1974. № 2. С. 87; *Дробижева Л. М. Сближение культур и межнациональные отношения // СЭ*. 1977. № 6. С. 14; *Сусоколов А. А. Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам отдела ЗАГС Кишинева в послевоенный период) // СЭ*. 1981. № 6. С. 14; *Дробижева Л. М. Межличностные национальные отношения: основные черты и особенности // Социол. исслед.* 1982. № 4. С. 34—40.

⁸ Совершенно идентичные тенденции были выявлены и В. В. Пименовым при обследовании удмуртов (*Пименов В. В. Указ. раб.* С. 68).

⁹ *Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // СЭ*. 1981. № 2. С. 101.

¹⁰ О роли интеллигенции в механизме распространения отдельных элементов традиционной культуры см., например: *Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума*. Ереван, 1978. С. 108.

¹¹ Аналогичные тенденции по возрастным группам были выявлены В. В. Пименовым. См.: *Пименов В. В. Указ. раб.* С. 217.

¹² Подробнее см.: *Коган М. Э. Несколько событий культурной жизни ленинградских татар // Этнография Петербурга-Ленинграда*. Вып. 2. Л., 1988. С. 52—53.

© 1990 г.

В. В. Руднев

ЭТНОМЕТЕОРОЛОГИЯ

(К вопросу изучения традиционных народных знаний)

Среди тем, наиболее часто привлекающих сегодня внимание исследователей, работающих в разных областях науки, заметен особый интерес к изучению познавательной деятельности человека. Познавательная деятельность, по выражению В. И. Вернадского, способствовавшая превращению человечества в «небывалую разумную планетарно-космическую силу»¹, определила и в значительной мере определяет тенденцию развития цивилизации.

Современная наука определяет природу — основной объект внимания чело-

века на протяжении веков — как сложную систему, отличающуюся наличием цепей взаимозависимостей, и считает, что человечеству еще только предстоит познать законы самоорганизации природы. Осуществление этого познания связывается с совершенствованием инструментов и приборов, появлением новых гипотез и, прежде всего, с творческим потенциалом самого исследователя (его интуицией, стилем мышления и т. п.). Так, Альберт Эйнштейн, воздавая должное интуиции, определил ее как специфический способ взаимодействия чувственного и логического познания, напомним этим, что науку и искусство объединяет творчески-познавательное отношение к действительности.

Тема познавательной деятельности человека, охватывающая глобальные вопросы взаимодействия человека и природы, интеллектуальных возможностей человека, познаваемости мира представляет интерес и для гуманитариев и для специалистов, работающих в области естествознания. Их исследования взаимодополняют друг друга. Этнографическая наука располагает значительным объемом данных, относящихся к этой теме (в традиционной культуре народов мира широко представлены многочисленные приметы «на урожай», «на погоду», рецепты приготовления лекарств, пищи, советы по уходу за животными, растениями и т. п.), традиционно объединяемых общим термином «народные знания» и входящих в состав познавательной подсистемы культуры этноса (которая сложно связана с производственной, жизнеобеспечивающей и соционормативной подсистемами²). Естествоиспытатели же проявляют научно-прикладной интерес к ряду народных примет и суеверий. Между тем, этот материал не стал до сих пор объектом специального комплексного этнографического исследования. Выявлению места традиционных народных знаний в культуре человечества, а также изучению специфики познавательной деятельности этносов доиндустриального периода посвящается предлагаемая читателю работа.

В качестве предмета рассмотрения целесообразно выбрать сюжет, который был бы хорошо представлен в традиционной культуре народов мира и в достаточной мере обеспечен разработками современного естествознания. Поэтому представляется логичным обратиться к материалу народных примет, связанных с предсказанием изменений погоды. Влияние погодных условий на жизнь и хозяйственную деятельность человека ощущается повседневно и повсеместно. Погода издавна интересовала человека. Наиболее ранние (V в. до н. э.) упоминания о метеорологических наблюдениях встречаются в памятниках письменности Древней Греции. Появление же первого эмпирического опыта в области предсказания погоды, по-видимому, можно отнести к эпохе палеолита. Разнообразные календари фиксируют наличие наблюдений за изменениями погоды в традиционной культуре всех народов мира.

* * *

В отечественной этнографической науке народная метеорология не стала до сих пор объектом специального исследования, хотя отдельные аспекты этой сложной темы привлекали внимание этнографов, фольклористов, историков культуры, физиков, биологов, метеорологов, естествоиспытателей³. Определенная односторонность рассмотрения темы, недостаточное привлечение разработок специалистов смежных научных дисциплин дают основание этнографу, не умаляя ценности этих работ, охарактеризовать общее состояние изученности народных метеорологических знаний как мозаичное. Представляется, что именно комплексный подход позволит всесторонне рассмотреть этот вопрос.

Современная метеорология дает прогноз погодных изменений на основании анализа инструментальных наблюдений за состоянием атмосферы, так как погода — это прежде всего состояние атмосферы в определенное время в данном месте. Испытывая постоянное воздействие, с одной стороны, земной поверхностью, а с другой — космического пространства, атмосфера находится в нестабильном состоянии: постоянно идут процессы перемещения воздушных масс,

нагревания и охлаждения, перехода водяного пара в воду, лед и обратно. Конкретная метеорологическая ситуация, по мнению метеорологов, является результатом сложных взаимодействий различных факторов в единой системе океан — атмосфера — материк, где ведущая роль принадлежит солнечной радиации — основному двигателю всех природных процессов. Наклон земной оси, неоднородность ландшафта определяют неравномерность нагревания планеты в течение года, обуславливают региональные климатические различия с присущими лишь им сезонными явлениями и метеорологическими особенностями. Эта региональная «привязка» метеорологических явлений предопределяет целесообразность при рассмотрении основных принципов народной метеорологии сконцентрировать внимание на определенном регионе.

Наличие достаточно обширного фактического материала по народной метеорологии, собранного в XIX — начале XX в. фольклористами, этнографами, путешественниками среди русских крестьян Центральной России⁴, а также специальные современные исследования фенологов, физиков, метеорологов в этом регионе⁵ позволяют обратиться к этнографическому рассмотрению традиционной метеорологии русских крестьян Центральной России XIX — начала XX в. В немногочисленных этнографических работах, специально посвященных данной теме⁶, вопрос этот не получил достаточно полного освещения, хотя актуальность его отмечена в работах С. А. Токарева, В. И. Чичерова, В. Я. Проппа, М. М. Громыко, В. К. Соколовой, Т. А. Бернштам и др.⁷

Центральная Россия — обширная внутренняя область, далеко удаленная от моря, отличающаяся умеренно-континентальным климатом с холодной зимой и жарким летом. Переходные сезоны (весна и осень) изменчивы и в разные годы варьируют в темпах и сроках наступления. Русский крестьянин, занимавшийся здесь в XIX — начале XX в. выращиванием зерновых культур, льна, конопли, овощей и фруктов, разведением скота, испытывал сложную зависимость от капризов погоды. Позднее весеннее потепление (начало весенних полевых работ колеблется в пределах месяца), частые холода ранним летом, сырое лето, бесснежная зима, сухая весна, дожди во время сенокоса и т. п. предопределили внимательное отношение крестьян к погоде.

Широко известные приметы — «май с водой — июнь с травой», «много снега — много хлеба»⁸, однозначно связавшие столь важное для жизни русского крестьянина обилие хлеба и сена с особенностью погодных условий, отражают и основную цель наблюдений крестьянина за погодой: обеспечить жизнедеятельность. Специфическая же особенность этих наблюдений выражается в том, что часто предсказывается не характер предстоящей погоды, а ее влияние на хозяйственную жизнь. Так, для крестьянского хозяйства метель в день Евдокии (1 марта, здесь и далее старый стиль) предвещала, что скот придется кормить (в хлеву) лишние две недели вследствие запаздывающего весеннего потепления⁹.

Приметы, связанные с выращиванием яровых зерновых культур, демонстрируют многообразие и тщательность повседневных наблюдений за погодой. Согласно календарю русского земледельца, сев яровых начинался с вешнего Егория (23 апреля) и продолжался до Николы (9 мая)¹⁰. Сроки сева уточняли, наблюдая за состоянием живой природы. На Владимирщине, в Ярославской губ. сев пшеницы традиционно проводили в период цветения черемухи и можжевельника, появления на полях травы жабрей (*Galeopsis tetrahit*) и листьев на дубе¹¹. Пшеницу сеяли в «красные» (солнечные и ясные) дни¹². Хорошим знаком считалось «отсеяться под дождик» (до начала дождя) (Новгородская губ.)¹³. При севе ржи мелкий, как бисер, дождь почитался за благоприятный фактор. Посеянная же в сильный дождь рожь, по наблюдениям крестьян Ярославской губ., обычно содержала много *метлы* (сорных трав)¹⁴. Хороший урожай ржи ожидали от посева, проведенного при северном ветре¹⁵. Зависимость урожая от запаса влаги в почве предопределила внимание к состоянию снежного покрова и ледоходу. Обилие снега, как и большое весеннее

половодье, обещало много хлеба и «легкий» год¹⁶. Если зима с *наслудом* (наледью — водой, выступившей в реке сверх льда), лето будет «с просом», считал русский земледelec, и в тот год, когда весной таяние снега шло «дружно», яровые сеяли рано¹⁷.

Ориентация на наблюдения за погодными явлениями, влияющими на жизнедеятельность в целом, определила специфику всего массива метеорологических предсказаний русских крестьян в области прогнозов как долгосрочных (на период от нескольких дней до нескольких сезонов), так и краткосрочных (на ближайшее время). Такого рода ориентация не исключает, однако, возможности сопоставления народных неинструментальных метеорологических предсказаний с научными метеорологическими прогнозами.

Целью краткосрочных предсказаний погоды у русских крестьян было прогнозирование количества осадков, изменения температуры, направления ветра и т. п. В зависимости от сезона повышение влажности воздуха, о чем свидетельствует, в частности, низко стелющийся дым из трубы, зимой, согласно приметам, указывает на предстоящую оттепель, а летом — на дождь.

Дождь активно влиял на разные стороны жизни крестьянина, поэтому попыткам предсказать его приближение уделялось немало внимания. При этом, как свидетельствуют приметы, внимание обращалось на разные явления: состояние атмосферы, гигроскопичность предметов, изменения в жизни флоры и фауны, ощущения человека. Дождь ожидали в следующих случаях: утренняя заря ярко-красная; на закате солнце садится в тучу или в темное облако; в течение всего дня солнце парит и тишина «в воздухе»; вокруг солнца круг (*гало*); концы радуги «опущены» в реку или в болото; «контуры луны размыты», звезды светят тускло и «малочисленны»; звезды ярко блестят и «многочисленны»; если отдаленные звуки (колокол, например) хорошо слышны; дальние предметы ясно видны; дым, выходящий из трубы, стелется низко у земли; утром нет росы после ежедневного ее появления; лес шумит (без ветра); соль, табак, шерсть отсырели; верхушка срубленной еловой ветки поникла; суп прокис в печи, молоко скисло; ласточки низко летают; вороны и другие птицы в воде купаются; вороны беспокойно каркают, суетятся, садятся на землю; совы днем летают и пищат; воробьи чирикают, купаются в пыли; куры и гуси «ощипывают» себя, охорашиваются; насекомые низко летают, «лезут» в жилище; пауки сидят, забившись в уголок; рыбы выпрыгивают из воды; лошади фыркают, собаки катаются по земле; лягушки сильно кричат; свиньи визжат, овцы без причины блеют; с поля первой возвращается домой черная корова; одуванчики сжимают пушистые головки; человек ощущает боль в плечах, «ломит» поясницу, болит грудина, звон стоит в ушах (левом или правом)¹⁸. Этот перечень может быть продолжен, но и приведенных примет достаточно для сравнительного сопоставления их с данными современного научного краткосрочного метеорологического прогнозирования.

Современное метеорологическое прогнозирование¹⁹ позитивно оценивает возможности метеорологических примет, обращающих внимание на идущие с запада облака, характер вечерней зари (заходит ли солнце «в тучу», цвет зари), как основывающихся на объективно отмечаемом физиками преобладании западного переноса воздуха в верхних слоях атмосферы в средних широтах Северного полушария, предопределяющем региональную специфику циркуляции атмосферы²⁰.

Своеобразно выявляют происходящие в атмосфере изменения оптические эффекты. В зависимости от содержания в атмосфере водяного пара, кристалликов льда, пыли лучи света от солнца, луны, звезд по-разному преломляются, проходя через газовую оболочку планеты. Красный цвет зари при восходе солнца объективно свидетельствует о высокой влажности воздуха; появление кольца (*гало*) вокруг солнца или луны связано с образованием кристаллов льда на высоте 8—10 км из-за проникновения теплого влажного воздуха; туманные, размытые очертания луны — результат появления легких перистых

или перисто-слоистых облаков, а мерцание звезд — результат усиления ветра на высотах. Как считают метеорологи, приведенные оптические эффекты достаточно объективно характеризуют локальное состояние атмосферных процессов и свидетельствуют о предстоящем изменении погоды, осадках²¹.

К числу главных признаков, свидетельствующих о приближении циклона, несущего осадки, метеорологи относят понижение атмосферного давления и повышение влажности воздуха. Регистрируемые барометром и гигрометром, эти изменения многообразно проявляются в окружающей среде. Насыщенный влагой воздух, очищенный от пыли, становится прозрачнее, и отдаленные звуки слышны в нем яснее и четче. На повышение влажности реагируют и гигроскопичные вещества: соль, табак, шерсть, сухое дерево, крылья насекомых и др. С набухшими крыльями насекомые начинают низко летать над землей, а осы и мухи залетают в окна, в закрытые помещения. В поисках насекомых к самой земле устремляются ласточки, а рыбы начинают выпрыгивать из воды. Медики отмечают индивидуальную реакцию некоторых людей на понижение атмосферного давления, выражающуюся в появлении болей в пояснице, ломоты в суставах, головных болях и т. п.²²

Предвестники осадков весьма многочисленны. Приближающемуся циклону сопутствуют изменение атмосферного давления, характер циркуляции воздуха, что мешает дыму из труб подниматься вверх. Отмечая разнообразие реакций живой природы на изменение состояния среды, натуралисты, биологи, метеорологи сегодня позитивно оценивают возможность предсказания близкого изменения погоды в районе на основе наблюдений за поведением муравьев, пчел, стрекоз, пауков, лягушек, рыб, состоянием растений (ноготков, мальвы, заячьей капусты)²³.

Сопоставление краткосрочных народных метеорологических примет с данными современной метеорологии выявляет и специфические особенности народной метеорологии. Например, в ней отсутствует точное количественное описание того или иного явления (нечетко определяются степень влажности соли, табака, шерсти, цвет неба, форма облаков и др.). Нередко идентичные для наблюдателя явления — результат разных по сути процессов в атмосфере. Так, усиление мерцания звезд свидетельствует об усилении ветра на высотах и считается предвестием ухудшения погоды; вместе с тем мерцание звезд может быть и признаком сохранения ясной и безоблачной погоды, прекращение же мерцания связывается с появлением очень тонкой, высокой облачности. В зависимости от индивидуальных особенностей человека головная боль, учащенное сердцебиение могут ощущаться как при понижении атмосферного давления (с приближением циклона, приносящего осадки), так и при его повышении (предшествующем антициклону и ясной погоде)²⁴. Эти особенности, как и недостаточность отдельных единичных наблюдений (одна лишь влажная соль не может служить гарантией того, что непременно пойдет дождь), объективно обуславливают необходимость привлечения большего числа неинструментальных наблюдений для предсказания погоды. В условиях специфики традиционного видения мира русским крестьянином XIX — начала XX в. это требование реализовалось путем расширения круга наблюдаемых явлений, в который попадали, в частности, и наблюдения, иррациональные в своей основе: за мастью животных, звоном в правом или левом ухе и т. п.

Долгосрочное предсказание погоды у русских крестьян также основывалось на наблюдениях за широким кругом данных: отдельными метеорологическими явлениями, жизнью природы — и опиралось на циклически повторяющиеся явления (ритм движения солнца и т. п.). Из года в год сильные морозы ожидали на Рождество (25 декабря), Крещение (6 января), Афанасия Ломоноса (18 января), Сретение (2 февраля) и в день Власия (11 февраля); гоаявление первой росы связывали с наступлением дня Иова (6 мая); на Ильин день (20 июля) ожидали жаркую погоду с грозами; с Лукерьи-Комарницы (13 мая) появлялись первые комары, мошкара и т. д. Стараясь предугадать

капризы погоды, специально наблюдали за окружающей средой в определенные дни. Например, предвестие сырого лета считали дождь, прошедший (27 июня): «На Самсона дождь — семь недель дождь»; холодную суровую зиму обещал холодный северный ветер на Покров (1 октября). Прилет уток-крякв до Благовещения (25 марта) предвещал скорое наступление тепла; задержавшееся до дня Антипа (11 апреля) половодье — очень холодную весну; улетевшие перед третьим Спасом (16 августа) журавли — мороз на Покров и т. д. Многие предсказания не были непосредственно связаны с календарными датами. Так, после очень холодной зимы ожидали жаркое лето. Если медведь устроил берлогу в низине, считалось, что весну следует ожидать немноговодную, а если на возвышении, то полноводную. Обильный по осени урожай желудей и орехов, немногочисленность грибов предвещали холодную снежную зиму²⁵.

Проводящиеся в метеорологической обсерватории Московской сельскохозяйственной академии с 1879 г. наблюдения свидетельствуют о практической ценности некоторых долгосрочных примет. Так, находят подтверждение приметы, отметившие ежегодное понижение температуры в январе (крещенские морозы), усиление грозовой активности в середине лета (в Ильин день), сентябрьское потепление (бабье лето), а также предсказания, связанные с днем Самсона и Покровом²⁶. Подтвердились многие фенологические приметы: «если зацветет черемуха, то заморозка больше не будет», а «если пчелы осенью заделывают воском леток, оставляя лишь маленькое отверстие, то зима будет холодной, с сильными морозами»²⁷.

Фактически все предсказания погоды основывались на многовековом опыте наблюдений. Отдельные примеры иллюстрируют, сколь пристальным было внимание к каждому объекту или явлению. Так, наблюдая за птицами, отмечали: ласточки низко летают — к дождю; серая ворона, подлетев, садится у воды — к дождю; если журавли улетят на Евмена (18 сентября), то на Покров будет мороз, а если не улетят, то зима раньше Артемова дня (20 октября) не наступит; молодые галчата начали кричать — время сеять овес; если первые (ранние) снесенные курицей яйца крупные, то сев овса следует проводить раньше, а если мелкие, то лучше овес сеять позже²⁸. Объективно не каждая из этих примет может служить основанием для прогноза. Если высота полета над землей ласточек, сроки прилета и отлета птиц, появления птенцов достаточно объективно отражают состояние среды: влажность и температуру воздуха, направление ветра, тепловой режим весны и осени²⁹, — то цвет оперения птиц, размер куриных яиц, как и суждение, что вороны, часто садящиеся с «карканьем» на луг, могут «накричать дождь»³⁰, не являются, естественно, явными и прямыми индикаторами изменения погоды. Сложное сочетание рационального и иррационального — характерная особенность большинства примет, основывающихся на наблюдении за растениями, животными, ощущениями человека. Например, реально отмечаемое человеком появление «звона в ушах» — вследствие изменения атмосферного давления — примета уточняет: в правом или левом ухе, соответственно связывая с этим и разный прогноз. Наблюдая за радугой, отмечали ее цвета, время появления, наконец, особо обращали внимание на то, куда опущены ее «концы», полагая, «если вечером дуга переброшена над рекой», то дождя ждать не следует. Эта примета может иметь практическое значение лишь в случае преобладающего переноса облаков с запада на восток и наличия в районе наблюдения реки, протянувшейся с запада на восток. При других условиях (ином направлении ветра и др.) она может не иметь прогностического значения.

Очень сложно переплетение рационального и иррационального в приметах, связанных с календарем. Посвящение дат церковно-славянского календаря святым и мученикам персонифицировало практически все 366 дней года (високосного) и способствовало использованию «бытовых святцев» для определения сроков наступления тех или иных природных явлений, в частности для предсказания погоды и определения сроков хозяйственных работ³¹. Так, день

святого Алексея (17 марта) приобрел в народе известность как время быстрого таяния снега, ростепели; день святых Кузьмы и Демьяна (1 ноября) — дата появления льда на реках. Многолетние данные подтверждают прогностическую ценность народной приметы о грозах в Ильин день; предстоящих после дня «сорока мучеников» (9 марта) 40 дней с утренними заморозками; приметы «первого дня»: «каков Покров, такова и зима»³². Между тем влияние конфессионального момента на календарные приметы проявилось, в частности, в иррациональном характере примет, связанных с переходящими праздниками церкви. Например, приметы предсказывают непременную метель на Пасху (с 22 марта по 25 апреля), если в Крещение (6 января) была метель; особенно дурной славой пользовался тот день недели, на который пришелся Касьянов день (29 февраля), — в течение последующих 3 лет он считался несчастливим днем³³.

Рассматривая гадания русских о погоде, можно также выявить сложную смесь рационального и иррационального. Например, в Калужской губ. накануне Троицы (начало ее разнится год от года — с 10 мая по 13 июня) по березке гадали о погоде предстоящего лета. В субботу вечером срубленные в лесу березки устанавливали перед избами до вторника. При этом примечали, засохнет листва на них или нет. Если листья засохнут, то в это лето успеют убрать сено сухим, а если не засохнут, то лето будет дождливое, и сено может сгнить³⁴. Обращая внимание на особое место березы в фольклоре восточных славян, С. А. Токарев выделял тесную связь ее с весенне-летними обрядами плодородия³⁵. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграла способность березы, как и каждого растения, служить фенологическим индикатором состояния среды³⁶.

Обращение к метеорологическим приметам русских, широко расселившихся по территории Евразии, представляет уникальную возможность также и для выявления воздействия новых факторов на народную метеорологию. Непривычные природные условия, повлиявшие на образ жизни и специфику хозяйства русских новоселов (в частности, на соотношение в их хозяйстве земледелия, скотоводства и промысла), контакты с другими народами привели к довольно сложному сочетанию элементов нового и традиционного в практике метеорологических предсказаний русских Сибири и Севера. Наибольшую ценность, конечно, представило бы сравнение метеорологических примет русских поселенцев с метеорологическими приметами, известными в районах их «выхода» (в европейской части России), а также с приметами коренного местного населения. К сожалению, имеющийся материал не всегда позволяет провести такие сравнения.

Как и в Центральной России, основной целью наблюдения за погодой в районах поздних миграций для русского поселенца-крестьянина было стремление обеспечить успех хозяйственной деятельности. Суровые природно-климатические условия Сибири и Севера прежде всего сказались на сроках сельскохозяйственных работ. На русском Севере календари фиксируют более позднее (с середины мая) начало пахоты. В Туринском уезде (Тобольская губ.) сев пшеницы проводили обычно начиная с Ивана Богослова (8 мая). Дождавшись окончания затяжных майских заморозков, с 11 июня высаживали рассаду в грунт в Забайкалье³⁷. Как и в местах выхода, на новом месте особое внимание уделяли наблюдениям за живой природой. В Енисейском округе пашню начинали поднимать, когда в оттаявшей земле корешок травы «отойдет»; в Туринском уезде пшеницу сеяли, когда черемуха расцветет. Показателем поспевания ржи в Тюменском и Туринском уездах (Тобольская губ.) была поспевшая черника, а в Забайкалье по бруснике судили о спелости овса³⁸. С фенологическими наблюдениями русские согласовывали не только сельскохозяйственные занятия. На Алтае, например, сигналом начала лова тайменя, идущего после нереста вниз по р. Чарыш, было цветение черемухи.

Как и в Центральной России, предсказания погоды на ближайшее время основывались на наблюдениях за облаками, направлением ветра, цветом утрен-

ней и вечерней зари, росой, состоянием флоры и фауны, гигроскопичных веществ и т. д. Предсказания на основе этих наблюдений повсеместно приобрели свою, местную, окраску. Например, в горах Алтая верными признаками предстоящей хорошей погоды русские считали поднимающийся вверх туман и высоко плывущие, задевающие вершины гор тучи, считающиеся предвестниками скорого ненастья³⁹. Ветры, сохранившие и на новом месте свои старые названия, стали толковаться по-иному. Так, юго-западный ветер *шелоник* в среднем течении Оби (Сургутский уезд) предвещал ясную погоду, в отличие от *глубника* (северо-западного ветра), который приносил ненастную погоду⁴⁰.

Переплетение традиционных (для Центральной России) предсказаний и элементов нового отличает долгосрочные метеорологические приметы русских на новых местах: в Сибири и на Севере. Широко были распространены хорошо известные населению Центральной России традиционные предсказания крещенских морозов, летних гроз в Ильин день, такие приметы, как «сорок мучеников (9 марта) — сорок утренников» (Ангара), «на Мокия (11 мая) мокро — все лето мокро»⁴¹. Специфика местных природно-климатических условий между тем дает основание предположить, что объективные предпосылки для механического применения «старых» примет на новом месте не всегда имелись. Подтверждением этому служит и пример «эволюции» широко известной приметы «если на Евдокию вода (1 марта), то на Егория (23 апреля) трава», традиционно приуроченной в Центральной России к первой встрече весны. У поморов она видоизменилась: «если на Евдокию вода, то на Егория будет в реках еще лед»; сибиряки же замечали: «на Евдокию не замерзнет — быть ранней весне»; в Ишимском округе (Тобольская губ.) позднее появление трав и соответственно поздний выпас скота ожидали, если на Федота (2 марта) был *занос* (метель)⁴².

В Забайкалье русские связывали окончание лета с приходом Ильина дня. Если в Центральной России считали, что реки покрываются льдом на «Кузьму и Демьяна» (1 ноября), то в Ишимском округе «перевозу не кличут» уже на Митрия (26 октября)⁴³.

Общаясь с местными жителями, обращаясь к их опыту ведения хозяйства, русские позаймовали у коренного населения сведения о местных природно-климатических особенностях. Так, в промысловом календаре русских Поморья прослеживается влияние древнего лунного календаря, характерного для народов европейского Севера⁴⁴.

В целом предварительное сопоставление представлений русских Сибири, европейского Севера и Центральной России, связанных с погодой, дает основание говорить о сосуществовании у русских Сибири и европейского Севера в XIX — начале XX в. как новых (локально предопределенных), так и традиционных элементов, принесенных из Центральной России. Сложный характер такого сочетания объясняется рядом причин. Сходство природно-климатических условий (например, порядок чередования сезонов) и универсальное значение для сезонных изменений погоды в любом регионе планеты годового цикла обращения Земли вокруг Солнца объективно способствовали использованию и на новом месте примет, основывающихся на традиционных (для русских Центральной России) способах предсказания погоды. Вместе с тем локальные особенности: географическая широта, рельеф местности, расположение района и т. п. — определили необходимость приурочивания примет к местным условиям. Так, произошли смещения календарных сроков наступления отдельных сезонных явлений, изменения в краткосрочных предсказаниях.

Хотя новоселы принесли с собой немало и иррациональных примет, довольно широко представленных в их духовной культуре, местное население нередко заимствовало у русских вместе с навыками ведения хозяйства также и их приметы в области предсказания погоды, земледельческий календарь (как это произошло в Забайкалье)⁴⁵. Можно предположить, что именно внимание рус-

ской традиционной метеорологии к фенологическим индикаторам (березе, черемухе и др.)⁴⁶ открыло возможность для успешной адаптации русских крестьян к новым природно-климатическим условиям.

Сопоставление традиционных метеорологических знаний русских с опытом других народов мира, как представляется, может послужить лучшему пониманию рассматриваемого вопроса. Такое сопоставление обнаруживает в них много общих черт и выявляет присущую всем народам связь традиционных метеорологических наблюдений с характером хозяйства, образом жизни, спецификой донаучного видения мира, а также с местными природно-климатическими особенностями. Так, французские крестьяне издавна считают, что если в день Благовещения ударят заморозки, то не будет ни зерна, ни вина; дождь в марте, нежелательный для земледельца, радует виноградаря, так как после него распускаются почки и заморозков больше не будет⁴⁷. В Азии скотоводы высокогорного Южного Таджикистана узбеки-локайцы особенно внимательны к ветру «афганцу». Частые и большой силы ветры этого направления предвещают здесь, по народным приметам, снежную зиму. Скотоводы в случае такой опасности принимают меры к тому, чтобы оттянуть начало окота и этим облегчить отарам овец путь к зимним пастбищам в южных районах⁴⁸.

В традиционной культуре каждого народа можно обнаружить примеры самобытного «осмысления» описания тех или иных метеорологических явлений (от названий ветра определенного направления до сложного, с использованием сюжетов из жизни мифологических персонажей описания погодных изменений определенного сезона)⁴⁹.

В условиях зависимости погодных изменений от региональных природно-климатических особенностей выявление культурной специфики народных метеорологических предсказаний наиболее последовательно можно проследить на материале полиэтничного региона, однородного по своим природно-климатическим условиям. Как представляется, таким требованиям отвечает многонациональный регион Среднего Поволжья. Проживающие там русские, чуваши, мордва, марийцы, удмурты, татары с целью предсказания погоды повсеместно наблюдали за состоянием атмосферы, облаками, гигроскопичностью предметов, живой природой, а также обращались к гаданиям. Тождественность природно-климатических условий, культурная близость народов региона (все они — земледельцы и принадлежат к одному ХКТ) предопределили во многом их традиционную метеорологию, что проявилось в пристальном внимании к циклически повторяющимся природным явлениям, флоре и фауне. Вместе с тем предсказанием погоды на длительный срок и гаданиям присущи специфические особенности. Например, чуваше долговременный прогноз погоды и урожая традиционно основывали на наблюдениях за периодами лунного календаря, татары соотносили его с 12-летним циклом летосчисления, а русские связывали с солнечным земледельческим календарем. Впрочем, в XIX в. чуваше, прославившиеся в регионе как «оракулы погоды», использовали в практике предсказания погоды все эти три способа⁵⁰. Специфика хозяйства и образа жизни каждого народа, особенности видения мира, в частности влияющие конфессиональные факторы, определили в целом своеобразие традиционных представлений, связанных с предсказанием погоды (примет как рациональных, так и иррациональных) у народов Поволжья, что может свидетельствовать об определенной этнокультурной приуроченности таких наблюдений. Подтверждение этому можно обнаружить и в традиционной метеорологии других народов мира⁵¹, что выявляет приуроченность этих наблюдений к определенным региональным природно-климатическим условиям и факторам этнокультурного порядка. Сложность предмета, связь его с естествознанием и факторами гуманитарного порядка предопределяют необходимость и целесообразность определения и разграничения сферы интереса к нему гуманитариев и естественников, что в целом

может способствовать более полному осмыслению этого этнографического материала.

I. С точки зрения специалистов-естественников, изучение народной метеорологии объективно способствует пополнению массива эмпирических данных о природных явлениях, что непосредственно связано с выявлением взаимосвязей в природе. Например, по мнению естествоиспытателей, более 600 видов животных и 400 видов растений объективно могут выступать в роли индикаторов изменения погоды⁵². Специальные многолетние исследования позволили биологу В. А. Желнину позитивно оценить возможности многих, на первый взгляд бесперспективных для метеорологического прогнозирования народных наблюдений (для района Веллавере в Эстонии). Среди них есть долгосрочные прогнозы, основывающиеся на наблюдениях за изменением цвета среднего плавника и полос на теле окуня, жизнью травяных лягушек, урожаем орехов и желудей⁵³. Степень достоверности современных метеорологических прогнозов, достигающая сегодня по отдельным регионам 65—88%, определяет потенциальную возможность для обращения в целях метеопрогнозирования и к материалам проверенных народных неинструментальных наблюдений в этой области.

Значительную ценность представляют зафиксированные в памятниках письменности метеорологические приметы прошлых веков, уникальной фактический материал для палеоклиматологов, изучающих историю климатических изменений в голоцене.

II. Историкам и другим исследователям, работающим в области гуманитарных наук, данный этнографический материал предоставляет возможность изучения познавательной деятельности человека в связи с традициями образа жизни этнической общности.

Принадлежность фактического материала определенной этнической культуре обуславливает правомерность проведения междисциплинарных исследований на базе этнографической науки. В соответствии с принятой в мировой науке традицией обозначения дисциплин, изучающих вопросы взаимоотношения между традиционным обществом и природой (этноботаника, этнозоология, этническая экология)⁵⁴, определение термином «этнометеорология» направления этнографической науки, изучающего этническую специфику традиционных представлений народов мира, связанных с метеорологией, представляется допустимым. Определяя критерии отбора фактического материала и методы исследования, характерные для этого направления этнографической науки, целесообразно обратиться к имеющимся примерам.

Среди множества примет, связывающих предсказание предстоящих метеорологических изменений с состоянием погоды в определенные дни, немало таких, которые апеллируют к «первому дню». Португальцы, итальянцы, народы Испании по погоде первого дня нового года предсказывали характер погоды в январе; азербайджанцы определяли погоду предстоящей весны по первому дню Навруза; русские крестьяне считали, что «каков Покров, такова и зима». Специальная проверка русской приметы показала, что, по данным многолетних наблюдений в Центральной России, более холодному первому дню октября (по старому стилю) действительно соответствуют более низкие средние температуры в ноябре и декабре⁵⁵.

Привлечение разработок естественных наук при анализе народных представлений, связанных с метеорологией, перспективно для выяснения вопроса о рациональности или иррациональности эмпирического материала, нередко требующего учета как особенностей традиционного видения мира, так и ряда других факторов (локальных изменений ландшафта, перехода с одного летосчисления на другое, происходящих изменений глобального характера). Например, в районах искусственных водоемов формируется местная циркуляция воздуха — возникают небольшие бризы, дующие днем с водоема на сушу, а ночью наоборот; скорость ветра в таких районах намного выше, чем была в прошлом. Учет изменений глобального характера особенно необходим при работе с древними

источниками: вследствие прецессии (перемещения точки весеннего равноденствия с востока на запад) в настоящее время в марте Солнце находится не в созвездии Овна, как это было 2 тыс. лет назад, а в соседнем созвездии Рыб пояса зодиака.

* * *

Эффективность комплексного подхода к изучению традиционных народных знаний, рассмотренная на примере этнометеорологии, подтверждается и результатами исследований в области народной медицины и др. Например, специальное изучение традиций диагностики болезней человека по изменениям в радужной оболочке глаза способствовало становлению нового направления в медицине — иридодиагностики, а анализ данных о лозоходстве (поиск скрытого в земле с помощью «лозы») — возникновению биолокации⁵⁶. Особенности этнографического материала (синкретичность, сложно опосредованный характер фиксации наблюдаемого), динамичное развитие естественных наук, сопровождающееся эволюцией представлений научной картины мира, определяют необходимость при изучении традиционных народных знаний обращаться к возможно более обширному пласту фактического материала, включая, в частности, гадания и приметы, выглядящие достаточно нетрадиционно с точки зрения сложившихся стереотипов мышления.

Всестороннее изучение традиционных народных представлений в той или иной области жизнедеятельности с позиции современной естественнонаучной картины видения мира, а также понимания традиционного образа жизни народа может способствовать наиболее полному использованию народных эмпирических наблюдений для естествознания (выявление сложных цепей взаимосвязей и взаимозависимостей в природе) и раскрытию истории познавательной деятельности человека (исследование вопросов эмоционального чувственного познания, ментальности и др.).

Примечания

¹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М., 1977. С. 19—31.

² Брегадзе Н. А. Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982; Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // Сов. этнография (далее — СЭ). 1976. № 5. С. 3—18; Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 42—46; Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1. С. 9—10.

³ Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д. Народный земледельческий календарь и метеорология азербайджанцев в XIX — начале XX в. // СЭ. 1984. № 3; Козлов В. И. Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6; Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных верований. ТИЭ. Т. 51. М., 1959; его же. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983; Хренов Л. С. Народные приметы и календарь (погодоведение) // Солнечные часы и календарные системы народов СССР (Тематический сборник научных трудов). Л., 1985; Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Л., 1971; Астапенко П. Д. Вопросы о погоде (Что мы о ней знаем и чего не знаем). Л., 1982; Гэмфриз В. Д. Народные приметы и парадоксы погоды. М.; Л., 1925; Жарков С. Н. Народные приметы и предсказание погоды. М., 1954; Мазунин В. Н. Погода и ее предсказание. Киров, 1946; и др.

⁴ Агринский К. Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов, 1899; Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 1—IV. М., 1978; Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—1905; Смоленский А. В. Сборник народных примет о погоде. М., 1913; и др.

⁵ Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н. Москвичу о погоде. Л., 1984; Балашев Л. Народная метеорология // Наука и жизнь. 1975. № 9. С. 83—86; Стрижев А. Н. Календарь русской природы. М., 1972; Колобков Н. В. Климат Москвы и Подмосковья. М., 1960; и др.

⁶ Лебедева А. А. Народные знания славян // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987; Антоновский М. Народная метеорология // Живописная Россия. 1905. № 4.

⁷ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века.

М.; Л., 1957; *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. // ТИЭ. Т. 40. М., 1957; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963; *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979; *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983; и др.

⁸ *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. СПб., 1901. С. 30, 349.

⁹ *Ермолов А. С.* Всенародный месяцеслов. СПб., 1901. С. 154.

¹⁰ Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 693. Л. 15.

¹¹ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1759. Л. 1 об.; *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. С. 273, 274;

Даль В. И. Указ. раб. Т. I. С. 524.

¹² *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. С. 257.

¹³ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 854. Л. 6 об.

¹⁴ *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. С. 252.

¹⁵ Там же. С. 256.

¹⁶ Там же. С. 26; ГМЭ; Ф. 7. Оп. 1. Д. 790. Л. 11 об.

¹⁷ *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. С. 267; *Даль В. И.* Указ. раб. Т. II. С. 470—471.

¹⁸ *Смоленский А. В.* Сборник народных примет о погоде. М., 1913. С. 3—20; *Ермолов А. С.*

Народное погодоведение. СПб., 1905. С. 16, 140—146; ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 371. Л. 21—24; Д. 373.

Л. 20—21 об.; Д. 471. Л. 37; Д. 790. Л. 12—12 об.; Д. 854. Л. 6; Д. 1410. Л. 20; Д. 1618. Л. 18;

Архив Всесоюзного географического общества (далее — ВГО). Р. 7. Оп. 1. Д. 75. Л. 28; Р. 36.

Оп. 1. Д. 17, Л. 2; Р. 48. Оп. 1. Д. 130. Л. 1—1 об.; Р. 53. Оп. 1. Д. 84, Л. 2 об.

¹⁹ *Астапенко П. Д.* Указ. раб. С. 135; *Метеорология.* Л., 1982.

²⁰ *Погосян Х. П., Туркетти З. Л.* Атмосфера Земли. М., 1970. С. 114; *Дмитриев А. А.,*

Ягодинский В. Н. Указ. раб. С. 48.

²¹ *Булаг В. Л.* Оптические явления в природе. М., 1974. С. 83; *Погосян Х. П., Туркетти З. Л.*

Указ. раб. С. 26; *Астапенко П. Д.* Указ. раб. С. 84—86; *Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н.*

Указ. раб. С. 48—49.

²² *Астапенко П. Д.* Указ. раб. С. 229; *Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н.* Указ. раб. С. 50—51;

Трошин В. Д., Мальцев А. Е. Погода и здоровье. Горький, 1982. С. 76.

²³ *Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н.* Указ. раб. С. 49; *Сабанев Л. П.* Жизнь и ловля

пресноводных рыб. Киев, 1960. С. 536; *Симаков Ю. Г.* Живые приборы. М., 1986. С. 34—39.

²⁴ *Астапенко П. Д.* Указ. раб. С. 85—86, 229.

²⁵ *Ермолов А. С.* Всенародный месяцеслов... С. 26—46, 165—171, 217, 262, 271, 380—381, 421,

422, 441—444, 496—511, 538, 559; *Каминский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси // За-

писки ИРГО (по отделению этнографии). СПб., 1877. Т. VII. С. 384—385; ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 882.

Л. 7; ВГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 75. Л. 30.

²⁶ *Балашев Л.* Указ. раб. С. 83—86; *Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н.* Указ. раб. С. 43—48.

Исключением были потепления в 1987 и 1990 годах.

²⁷ *Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н.* Указ. раб. С. 48—52; *Симаков Ю. Г.* Указ. раб. С. 41.

²⁸ *Ермолов А. С.* Народное погодоведение. С. 70, 77; *его же.* Всенародный месяцеслов.

С. 474; *его же.* Всенародная агрономия. С. 270, 271.

²⁹ *Шульц Г. Э.* Общая фенология. Л., 1981. С. 19—25.

³⁰ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 854. Л. 6.

³¹ *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975. С. 43.

³² *Балашев Л.* Указ. раб. С. 83—86.

³³ *Чичеров В. И.* Указ. раб. С. 228; *Даль В. И.* Указ. раб. Т. I. С. 106.

³⁴ *Гринкова Н. П.* Пережитки весенних обрядов в русской деревне (по материалам экспеди-

ций Государственного музея этнографии). Л., 1937. С. 14.

³⁵ *Токарев С. А.* Религиозные верования... С. 63. См. также: *Соколова В. К.* Указ. раб.;

Пропп В. Я. Указ. раб. и др.

³⁶ *Шульц Г. Э.* Указ. раб. С. 102—104, 122, 162—167 и др.; *Ермолов А. С.* Всенародная

агрономия. С. 273.

³⁷ *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейных Забайкалья (вторая половина XIX— нача-

ло XX в.). Новосибирск, 1978. С. 77, 79; *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 151; *Жегалова С. К.*

Деревянный «справочник» // Сов. музей. 1985. № 4(84). С. 36.

³⁸ *Болонев Ф. Ф.* Указ. раб. С. 97; *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 150, 151, 153; *Криво-*

шапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 37.

³⁹ *Герасимов Б. В.* В долине Бухтармы // Зап. Семипалатинского подотдела зап.-сиб. отд-ния

ИРГО. 1911. Вып. V. С. 89.

⁴⁰ *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 155; *Даль В. И.* Указ. раб. Т. IV. С. 619; *Фасмер М.* Этимологи-

ческий словарь русского языка. Т. IV. М., 1973. С. 425.

⁴¹ *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 153; *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь

в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 61.

⁴² *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 149; *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 152; Погодой год

припоминается. Красноярск, 1984. С. 31.

⁴³ *Болонев Ф. Ф.* Указ. раб. С. 79; *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 154.

⁴⁴ *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 144—145.

⁴⁵ *Болонев Ф. Ф.* Указ. раб. С. 79.

⁴⁶ *Ермолов А. С.* Всенародная агрономия. С. 273—274; *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 150—151.

⁴⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX— начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 32.

⁴⁸ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. XXVIII. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 107.

⁴⁹ Устаев Ш. У. Новый год (Навруз) в мифологических воззрениях таджиков и узбеков // СЭ. 1985. № 6. С. 102—103.

⁵⁰ Смоленский А. В. Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на хозяйство. Казань, 1895. С. 56; Мухаметзянов Р. М. Татарские народные приметы // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1977. С. 71; Дмитриев В. Д. Чувашский календарь и метеорология. Чебоксары, 1982. С. 6.

⁵¹ Rudnev V. V. Russian Folk Meteorology in European Russia // XII JCAES. Zagreb. Juli 24—31, 1988. М., 1988.

⁵² Литинецкий И. Б. Беседы о бионике. М., 1968; Симаков Ю. Г. Указ. раб.; Шульц Г. Э. Указ. раб.

⁵³ Zel'nik V. Konnad, kalad ja linnud aitavad ilma ette-arvata // Sotsialist'ik põllumajandus. 1983. №-18 (на эст. яз.); *idem.* Kas talv tuleb parajalt pehme voi karedalt külm? // Ibid. №-22 (на эст. яз.); *idem.* Sügise-märgid // Ibid. 1984. №-15 (на эст. яз.).

⁵⁴ Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 84—94.

⁵⁵ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX— начало XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 27, 62, 95; Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д. Указ. раб. С. 130; Балашев Л. Указ. раб. С. 83—86; Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н. Указ. раб. С. 46.

⁵⁶ Вельховер Е. С., Шульпина Н. Б., Алиева З. А., Ромашов Ф. Н. Основы иридиодиагностики. Баку, 1982; Уильямсон Т. Лозоходство: миф или реальность? // За рубежом. 1987. № 32. (1413). С. 20 (перепечатка из «Нью сайентист», Лондон).

© 1990 г.

В. Г. Балашок

ГОДОВОЙ ЦИКЛ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНСКИХ ГОРОДСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

Традиционные обычаи и обряды восточных славян, приуроченные к определенным моментам годового производственного цикла, уже неоднократно становились предметом специальных исследований этнографов. В частности, в настоящее время довольно хорошо изучена аграрно-календарная обрядность сельского населения XIX — начала XX в. ¹ К сожалению, этого пока нельзя сказать о традиционной обрядности горожан, являвшейся в феодальную эпоху неотъемлемой частью духовной культуры каждого этноса. Жители феодальных городов Древней Руси, а позднее России, Украины и Белоруссии создали богатую и развитую обрядность, отличавшуюся от обрядности крестьян. Уже по этой причине она представляет интерес для этнографов. Но главное то, что без знания обычаев и ритуалов городского населения периода феодализма наши представления о традиционной обрядности и, шире, духовной культуре восточнославянских народов будут весьма неполными и односторонними.

Обрядность украинских городских ремесленников феодальной эпохи, которые тогда составляли большинство трудового населения городов, уже неоднократно попадала в круг исследований отечественных ученых, как дореволюционных ², так и советских ³. Но все эти работы затрагивают лишь отдельные аспекты данной темы. Большинство исследователей дореволюционного периода ограничивались частными вопросами развития традиционной празднично-обрядовой культуры украинского города (зачастую на примере отдельного населенного пункта). Рассматриваемая тема недостаточно изучена и советскими этнографами.

Цикл обычаев и обрядов производственного характера, совершавшихся